

© 2013 г.

К.А. МЮКЛЕБУСТ (Норвегия)

ФРИТЬОФ НАНСЕН, РУАЛЬ АМУНДСЕН И РУССКИЙ СЕВЕР (1890–1930 годы)

В начале XX в. ученые России и Норвегии занимались освоением и изучением полярных территорий. В литературе полярные исследования трактуются как соревнование между северными государствами за распространение суверенитета над Арктикой и ее ресурсами, а исследователи Арктики преподносятся как национальные герои¹. Однако изучение деятельности ведущих ученых-полярников Норвегии и России с 1890 по 1930 г. показывает, что норвежцы и русские были готовы к тесному международному сотрудничеству в рамках арктических исследований.

В настоящей статье мы рассмотрим деятельность двух самых ярких норвежских исследователей Арктики – Фритьофа Нансена (1861–1930) и Руаля Амундсена (1872–1928). Они оба сотрудничали с русскими учеными. В норвежской научной литературе отмечается, что Ф. Нансен и Р. Амундсен принадлежали к двум противоположным исследовательским традициям: геофизической, международно-ориентированной и географической, национально-ориентированной². Именно это, вероятно, послужило причиной различий между Ф. Нансеном и Р. Амундсеном в их общении с русскими коллегами. Ф. Нансен отличался прямоотой и откровенностью в общении с русскими полярными исследователями, а Р. Амундсен предпочитал общаться с ними через официальные межправительственные каналы, такие как посольство Королевства Норвегии в Санкт-Петербурге.

Интерес Норвегии и России к Арктике был связан с наличием там огромных природных ресурсов и их потенциальным значением для экономики. В начале XX в. в Норвегии и России появились специальные научные учреждения для изучения Арктики. Они создавались, чтобы изучать ресурсный потенциал и контролировать национальные интересы на Севере.

В 1914 г. в России была учреждена Полярная комиссия Академии наук, а годом позже – Комиссия по изучению естественных производительных сил (далее – КЕПС). В 20-х годах XX в. КЕПС организовала множество экспедиций, в том числе и на Север. С экспедиций на Север началась активная деятельность АН СССР в полярном регионе.

Мюклебуст Кару Ага – доктор философских наук, историк, старший научный сотрудник Института истории и религиоведения Университета г. Тромсё (Норвегия).

Статья написана в рамках проекта “Асимметричное соседство: Норвегия и Россия 1814–2014”.

¹Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 3. Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. Л., 1959; Пинхенсон Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 2. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л., 1962; Horensma P. The Soviet Arctic. London – New York, 1991; McCannon J. Red Arctic. Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union: 1932–1939. New York, 1998; Drivenes E.-A. Ishavs imperialisme. – Norsk polarhistorie, b. II. Vitenskapene. Oslo, 2004.

²Bones S. Norway and Past International Polar Years – a Historical Account. – Polar Research, 2007, v. 26 (2).

В 1920 г. в Петрограде был создан Комитет Севера при Русском географическом обществе (далее – РГО). Его возглавил генерал-лейтенант Юлий Михайлович Шокальский (1856 – 1940), президент РГО. В том же году появилась Северная научно-промысловая экспедиция при Высшем совете народного хозяйства. В 1925 г. она была преобразована в Институт по изучению Севера, а в 1930 г. – во Всесоюзный Арктический институт. С появлением этого учреждения в СССР началось активное изучение полярного региона³.

В Норвегии систематическое освоение Арктики было организовано предшественниками современного Норвежского полярного института (создан в 1948 г.). С 1906 г. правительство Норвегии поддерживало экспедиции на Шпицберген, а с 1928 г. – и исследование Ледовитого океана. В Норвегии так же, как и в России, прослеживалась заинтересованность в природных ресурсах Севера вместе с попыткой определения национальных интересов в полярном регионе⁴.

Еще до Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. ученые-полярники Норвегии и России стремились наладить друг с другом личные и профессиональные контакты. Важной вехой в сотрудничестве норвежских и российских ученых стал Первый международный полярный год (1882–1883). Идея провести данное мероприятие была высказана австрийским ученым и путешественником К. Вайпрехтом на Международном метеорологическом конгрессе в 1879 г. Австрийский ученый полагал, что научное исследование Арктики требует совместных усилий всего международного сообщества. Он предложил расширить сеть наземных обсерваторий и геофизических станций, а также увеличить количество экспедиций на кораблях. Обсуждение идеи К. Вайпрехта проходило на заседаниях Постоянного комитета Международного метеорологического конгресса. Был создан организационный комитет Международного полярного года. Его членами стали Хенрик Мон (1835–1916), основоположник метеорологии и физической океанографии в Норвегии, и Роберт Ленц (1833–1903), профессор физики Петербургского университета. Президентом организационного комитета стал профессор Генрих Вильд, член Академии наук и РГО. Российская сторона координировала научно-исследовательскую деятельность. Норвегия и Россия были в числе первых государств, которые заявили о своем участии в Международном полярном году. В течение года Норвегия и Россия проводили совместные работы по измерению магнитного поля земли, изучению метеорологических условий и полярных сияний на Севере⁵.

Сотрудничество ученых двух стран продолжилось и в межвоенный период. Постепенная нормализация отношений между Норвегией и Советским государством способствовала развитию научного сотрудничества ученых-полярников. В 1921 г. в Советской России появилась норвежская торговая миссия. Норвегия де-факто признала новую власть в России, а в 1924 г. – де-юре. В 1925 г. между странами был подписан договор о торговле и мореплавании⁶. Среди ученых полярников в Норвегии и России существовали идеи научного интернационализма. Исследователи Севера полагали, что научные изыскания должны способствовать единению великих держав и должны помочь в предотвращении новой мировой войны⁷. Сторонником идей научного интернационализма был и Ф. Нансен.

³ *McCannon J.* Op. cit. p. 23–29.

⁴ *Barr S.* Norway – a consistent polar nation? Analysis of an image seen through the history of the Norwegian Polar Institute. Oslo, 2003; *Nilsen F.* Etableringen av Norsk polarinstitutt i 1948: gammel vin i nye skinnssekker? Hovedoppgave i historie. Tromsø, 2000.

⁵ *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* История полувековой деятельности Русского географического общества: 1845–1895, в 3-х т. СПб., 1896; *The History of the International Polar Years (IPYs).* Berlin – Heidelberg, 2010.

⁶ О норвежско-русских дипломатических отношениях см. *Хольтсмарк С.* Советско-норвежские отношения 1917 – 1955. М., 1997; *Caution & Compliance. Norwegian-Russian Diplomatic Relations 1814–2014.* Orkana Akademisk, 2012.

⁷ *Crawford E., T. Shinn & S. Sörlin (eds.)* Sociology of the Sciences. Yearbook 1992: Denationalizing Science: The Contexts of International Scientific Practice. Dordrecht, 1993.

РУССКИЙ СЕВЕР ФРИТЬОФА НАНСЕНА

Для Ф. Нансена огромный интерес представляло арктическое побережье Сибири, простирающееся вдоль Северного Ледовитого океана. В 1893 – 1896 гг. он совершил на Русский Север экспедицию на судне “Фрам” и провел там океанографические работы. В 20-х годах XX в. ученый планировал провести норвежско-русскую этнографическую экспедицию на Кольский полуостров. В то же время, Ф. Нансен был председателем международного научного общества “Аэроарктик”, члены которого занимались изучением полярного пространства, в том числе и Русского Севера, с помощью дирижаблей.

В течение 40 лет – с 1890 по 1930 г. – Ф. Нансен вел переписку с русскими учеными: океанографами, геологами, географами, биологами, этнографами и антропологами. Он неоднократно бывал в Петербурге и много раз лично посещал русские научно-исследовательские учреждения. В 1898 г. Ф. Нансен вместе со своим другом, полярным исследователем Отто Свердрупом (1854–1930) неделю провел в Петербурге. Он в первый раз посетил РГО, где ему вручили высшую награду общества – Константиновскую медаль за научные исследования в Северном Ледовитом океане во время экспедиции на судне “Фрам”. РГО признало, что с Ф. Нансен совершил интересные открытия. Он выявил “совершенно неожиданные углубления в Северном Ледовитом океане, полное отсутствие земли вокруг полюса, по крайней мере, на Сибирской стороне”⁸.

После официальной церемонии были деловые встречи, в ходе которых обсуждались проблемы изучения северных водных пространств. Русские ученые пригласили Ф. Нансена высказать свое мнение об экспедициях Эдуарда Васильевича фон Толля (1858–1902) и Степана Осиповича Макарова (1849–1904). Барон Э.В. фон Толль намеревался обследовать Землю Санникова, а также воды ближе к Северному полюсу, используя тот же метод дрейфования в полярных льдах, который применил Ф. Нансен. А океанограф, вице-адмирал С.О. Макаров должен был руководить экспедицией по продвижению на Север через Шпицберген. Эта экспедиция предполагала строительство первого в мире ледокола. Ф. Нансен знал об увлеченности Русским Севером у Э.В. фон Толля и С.О. Макарова и об их экспедициях. На протяжении многих лет он вел переписку с русскими учеными. В ходе заседания РГО Ф. Нансен положительно отозвался о предложениях русской стороны. Но при этом он отметил, что у С.О. Макарова нет шанса найти свободное ото льда пространство вблизи центральной части Ледовитого океана⁹.

ОБМЕН ОПЫТОМ В ИЗУЧЕНИИ СЕВЕРА

Ф. Нансен активно помогал Э.В. фон Толлю и С.О. Макарову. Летом 1900 г. Э.В. фон Толль посетил Ф. Нансена в его доме, прежде чем отправиться в экспедицию на Север вдоль побережья Норвегии, а затем на Восток – в Сибирь. В письме к Э.В. фон Толлю в июне 1900 г. Ф. Нансен детально рассказал о наблюдениях, которые были сделаны им во время экспедиции на корабле “Фрам”. В письме он также упомянул о так называемых “мертвых водах”. Письмо ученый сопроводил рисунком “мертвой воды”. Ф. Нансен представил это явление таким, каким он его запомнил во время экспедиции осенью 1893 г., и отметил, что во время путешествия Э.В. фон Толля может ожидать нечто подобное¹⁰.

Эффект “мертвой воды”, как было выявлено позднее, получается, когда пресная вода из лиманов попадает в море и располагается в верхней части морской воды, обра-

⁸ Российско-норвежские контакты: взгляд из Санкт-Петербурга. СПб., 1996, с. 54; *Gavriolo M. Polarsirkelen – ekspedisjoner og oppdagelse. – Norge – Russland. Naboer gjennom 1000 år. Scandinavian Academic Press, 2004; Мазур Т.П. Отто Свердруп и Россия. – Скандинавские чтения 2005 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2005.*

⁹ *Пинхенсон Д.М.* Указ. соч., т. 2, с. 269; *Пасецкий В.М.* Фрицьоф Нансен. М., 1986; *Khorkina S.A. Russia and Norway in the Arctic 1890 – 1917. A Comparative Study of Russian and Norwegian Traditions of Polar Exploration and Research. Hovedoppgave. Tromsø, 1999, p.79 – 116.*

¹⁰ Письмо Нансена к Эдварду фон Толлю, 16 июня 1900 г. – Архив РАН, ф. 14, оп. 1, д. 65.

зую подводные волны, которые движутся в обратном направлении основному течению. Когда судно попадает в “мертвые воды”, оно становится неподвижным. Происхождение “мертвой воды” было открыто в 1900 г. шведским океанологом Вагном Вальфридом Экманом (1874–1954) и норвежским метеорологом Вильгельмом Бьеркнесом (1862–1951). В своем исследовании они отталкивались от данных, собранных Ф. Нансеном во время экспедиции судна “Фрам”. Сегодня это явление известно как спираль Экмана¹¹.

Экспедиционное судно для Э.В. фон Толля было построено на основе норвежского корабля, который Ф. Нансен посоветовал ему купить, потому что был уверен в его добротности и крепости. Судно получило название “Заря”. До того как отправиться в экспедицию оно прибыло в порт норвежского города Тромсё на ремонт¹².

Сотрудничество с Э.В. фон Толлем и С.О. Макаровым имело большое значение и для собственных морских исследований Ф. Нансена в Арктике. Э.В. фон Толль был одним из тех, кто еще до экспедиции на корабле “Фрам” поддержал план Ф. Нансена дрейфовать в полярных льдах вплоть до Северного полюса. Он прекрасно знал берега восточной части Сибири и посоветовал Ф. Нансену начать путешествие не от Берингова пролива, а от Новосибирских островов моря Лаптевых. Э.В. фон Толль объяснил норвежскому коллеге, что там течение идет от р. Лены на Север, оно будет двигать корабль вперед в правильном направлении¹³. Ф. Нансен так и не достиг северного полюса. Но совет Э.В. фон Толля был для него полезным. Он помог продвижению “Фрама” на Север. Ф. Нансену удалось пройти дальше, чем экспедициям других исследователей.

Когда Ф. Нансен подводил итоги экспедиции на корабле “Фрам”, он пользовался данными океанографических работ С.О. Макарова, в том числе его работой «“Витязь” и Тихий океан», изданной в 1894 г. на русском и французском языках. В книге рассказывалось о кругосветном путешествии С.О. Макарова на судне “Витязь” в 1886 – 1889 г. Именно это путешествие и его научные результаты принесли С.О. Макарову международное признание¹⁴. В письмах к Ф. Нансену русский океанограф рассказал о методике измерения плотности морской воды, ее солёности, а также о способах анализа проб воды из разных уголков Северного Ледовитого океана¹⁵.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУКИ

Сведения о работе Ф. Нансена на Русском Севере интересны для нас тем, что они во многом проясняют близкие отношения между Норвегией и Россией, особенно в исследовании северных морей. Конец XIX – начало XX в. часто называют временем, когда национальный престиж и конкуренция между государствами характеризовали полярные исследования. Однако в это время все еще было сильным стремление к интернационализации науки. Ученые думали о создании различных форумов по координации научных исследований в северных районах. Они признавали правильной идею, что исследование огромных полярных регионов требует совместных усилий, преодолевающих национальные границы. Исследования в полярных регионах были сложны, как в финансовом, материально-техническом, так и в климатическом отношении. Получение результатов экспедиций и исследований были затратными по времени. Безусловно, ярким примером научного интернационализма конца XIX в. был Международный полярный год (1882–1883). Международный совет по исследованию морей (далее – МСИМ, создан 1902 г.) – другой не менее яркий пример сотрудничества.

В создании МСИМ ведущая роль принадлежала Норвегии. Русские связи Ф. Нансена были необходимы для быстрой интеграции России в организацию. Ключевой

¹¹ *Friedman R.M. Nansenismen. – Norsk polarhistorie, b. II. Oslo, 2004, p. 138–143.*

¹² Архив РАН, ф. 14, оп. 1, д. 59.

¹³ *Пасецкий В.М. Указ. соч., с. 112.*

¹⁴ *Makarov Stepan Osipovich. – Complete Dictionary of Scientific Biography, 2008. – www.encyclopedia.com*

¹⁵ Det norske Nasjonalbiblioteket (далее – NB), Brevsamling 870.

фигурой с русской стороны был зоолог Николай Михайлович Книпович (1862–1939), который с 1898 г. возглавлял Мурманскую научную промысловую экспедицию. Эта экспедиция занималась оценкой рыбных ресурсов у побережья Мурманска и положила начало русскому изучению рыбных ресурсов в Баренцевом море. Одновременно сотрудники экспедиции занимались гидрографическими наблюдениями, делая акцент на связях между рыбными запасами и морской средой¹⁶.

Во время путешествия по Северной Европе в 1897 г. Н.М. Книпович встретился не только с Ф. Нансеном, но еще и с морскими биологами Йоханом Хьортом (1869 – 1948) и Георгом Оссианом Сарсом (1837–1927). В Норвегии Н.М. Книпович посетил биологическую станцию в Дробаке, где с большим интересом изучал новые для того времени технологии норвежской рыбной ловли.

На протяжении многих лет Н.М. Книпович поддерживал с Ф. Нансеном оживленную переписку¹⁷. В 1899 г. он приплыл к побережью Норвегии на новом специализированном научно-исследовательском судне “Андрей Первозванный”. Корабль был схож с норвежским научно-исследовательским судном “Михаэль Сарс”, которое было построено по заказу норвежского Управления рыболовства в 1900 г. В 1901 г. Ф. Нансен и Н.М. Книпович встретились на Международной конференции по рыболовству в Осло. На международной конференции в Осло Н.М. Книпович входил в состав русской делегации. Долгое время Н. М. Книпович переписывался и с Й. Хьортом, с которым у него завязалась крепкая дружба. Вместе с Й. Хьортом он был членом комитета МСИМ, занимавшегося изучением миграции рыб. В 1907 г. они опубликовали совместную статью о популяции тюленей у побережий Мурманска и Финнмарка и о ее влиянии на популяции рыб в этом регионе. В Мурманск в 1902 г. для проведения научных исследований приехал Леонид Леонидович Брейтфус (1864 – 1950). Как и Н.М. Книпович, он долгое время переписывался с Ф. Нансеном.

ПЛАН ЭКСПЕДИЦИИ НА КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

В 20-х годах XX в. Ф. Нансен отошел от научно-исследовательской деятельности. Его увлекли социально-гуманитарные проблемы¹⁸. Несмотря на это Ф. Нансен поддерживал контакты с русскими исследователями. Даже революционные события в России не прервали их.

В сентябре 1926 г. Государственное Географическое общество (далее – ГГО) в Ленинграде получило письмо от Комитета содействия народностям северных окраин¹⁹. В нем содержался запрос Института сравнительного изучения культур в Осло, в котором Ф. Нансен возглавлял комитет Арктики. Норвежские ученые выступили с инициативой провести совместную норвежско-советскую этнографическую экспедицию на Кольский полуостров для изучения культуры саамов – коренных жителей Скандинавии и Кольского полуострова.

Норвежцам удалось получить финансирование для экспедиции от американского Фонда Рокфеллера. План экспедиции разработал Ф. Нансен. Он предложил сделать Кольскую экспедицию междисциплинарной. В ее состав планировалось включить антропологов, этнографов, лингвистов, социологов и археологов. Междисциплинарный состав экспедиции позволил бы получить обширные данные о происхождении, исто-

---

¹⁶ Lajus Ju. Foreign Science in Russian Context: Murman Scientific-Fishery Expedition and Russian Participation in Early ICES Activity. – ICES Marine Science Symposia, 2002.

¹⁷ Lajus Ju. Контакты русских и норвежских ученых в области морских исследований в начале XX века. – Скандинавские чтения 2005 г.: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2005, с. 91.

¹⁸ Greve T. Fridtjof Nansen 1905 – 1930. Oslo, 1974, p. 140 – 226.

¹⁹ Письмо секретаря Комитета содействия народностям северных окраин С.А. Бутурлина в Географическое общество 17 сентября 1926 г. – Архив РГО при РАН (далее – АРГО), ф. 1 – 1926, оп. 1, №. 18.

рии, миграции саамов, об их отношениях с соседними этносами. В письме к русским коллегам Ф. Нансен подчеркнул, что уже был накоплен достаточно обширный материал по северным народностям, однако исследований сравнительной направленности было мало. Кольская экспедиция должна была стать первым этапом долгосрочного сотрудничества, подразумевавшего, прежде всего, постоянные северные экспедиции, географию которых можно было бы расширить вплоть до Сибири. Планируя такие крупномасштабные исследования, Норвегия пыталась продолжить свою уже сложившуюся традицию изучения полярного пространства²⁰.

К предложению Ф. Нансена положительно отнеслись в ГГО²¹. Норвежского ученого хорошо знали в России. Более 25 лет Ф. Нансен переписывался с президентом общества Ю.М. Шокальским²². Гуманитарная и научная деятельность Ф. Нансена сделали его весомой и значимой фигурой в России. Мероприятия по организации Кольской экспедиции неоднократно обсуждались в высших органах советской власти.

Но проект Ф. Нансена так и остался проектом. Русские и норвежцы не смогли преодолеть разногласия по поводу руководства экспедицией. Норвежская сторона настаивала на единоличном руководстве под эгидой Норвежского института. Спорным был и вопрос о месте хранения данных экспедиции: в Норвегии или в Советском Союзе²³. Необходимость совместного советско-норвежского проекта ставилась под сомнение еще и тем фактом, что в СССР уже начали подобное исследование на Кольском полуострове. Ф. Нансену, вероятно, не было об этом известно. Уже в 1924 г. этнограф и антрополог Давид Алексеевич Золотарев (1885–1935) предложил провести междисциплинарную этнографическую экспедицию на Кольский полуостров. Осенью 1925 г. он возглавил экспедиции, целью которых было исследовать культурное разнообразие народов Северо-Запада СССР. Экспедиции были организованы совместно Академией наук и Этнографическим музеем в Ленинграде. Их результатом стала богатая коллекция этнографического материала, в том числе обширный фотоматериал, представляющий не только саамов, но и других жителей региона²⁴.

В октябре 1927 г. советская сторона ответила на предложение Ф. Нансена о проведении совместной этнографической экспедиции на Кольском полуострове вежливым отказом. Совместный норвежско-советский план Кольской экспедиции оказался преждевременным, и его пришлось отложить до лучших времен²⁵.

ПОЛЯРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С ВОЗДУХА

Последний раз Ф. Нансен посетил Ленинград в 1928 г. вместе с ученым-математиком Карлом Штрёмером (1874–1957). Они прибыли в Ленинград для участия во Втором Конгрессе “Аэроарктик” – научного общества, которое намеревалось осуществить арктические исследования с воздуха, используя, главным образом, дирижабли. Общество было основано немцами в 1924 г. Ф. Нансен был его первым президентом. Общество поддерживали известные немецкие и норвежские исследователи Арктики, специалисты в области авиации, а также представители научного сообщества СССР, США и других

²⁰ *Jølle H.D.* Hvorfor holder jeg eskimoen for stående over europæerne? Kulturforskeren Fridtjof Nansen og “de arktiske andre”. Hovedoppgave i historie. Tromsø, 2000; *Kyllingstad J.R.* Menneskeåndens universalitet: Instituttet for sammenlignende kulturforskning 1917 – 1940. Ideene, institusjonen og forskningen. – *Acta humaniora* 2008, № 371; *Myklebost K.A.* Fridtjof Nansen og det russiske nord, Polare jubileer – kunnskap og politikk i nord. – Ottar, 2011, № 5.

²¹ Письмо главы Русского Географического общества Ю.М. Шокальского в Главное управление научных учреждений 12 ноября 1926. – АРГО, ф. 1, 1926, оп. 1, № 18.

²² Там же, ф. 16, оп. 4, № 176.

²³ *Myklebost K.A.* Den norsk-sovjetiske Kolaekspedisjonen: Et unikt samarbeid som glapp. – *Dagsavisen Nordlys*, 2010, s. 52.

²⁴ *Золотарев Д.А.* Лопарская экспедиция. Л., 1927; *его же.* Кольские лопари. Л., 1928; *его же.* Кольский сборник. Л., 1930.

²⁵ NB, Ms. Fol. 1924: 11c.

стран. Главной задачей общества было проведение трансарктической экспедиции – полета над Северным полюсом и районами крайнего Севера на дирижабле. Для Ф. Нансена это была уникальная возможность вернуться на места его первой экспедиции и провести новые исследования, чтобы уточнить геофизические, океанографические и метеорологические данные.

Весной 1928 г. в немецком городе Фридрихсхафен начали строить дирижабль “Граф Цеппелин”. Участники трансарктической экспедиции намеревались на нем пересечь Арктику: от Европы до Северной Америки. Во время пути планировалось провести геомагнитные измерения, метеорологические наблюдения и уточнить географические карты. Ф. Нансен был намерен возглавить экспедицию, маршрут которой проходил из Германии через Ленинград, Мурманск в Арктику²⁶.

Координацией действий немецкой, норвежской и русской сторон в обществе “Аэроарктик” занимался Л.Л. Брейтфус. Он перевел планы экспедиции на русский язык. В вводной части перевода, он подчеркнул значение этой экспедиции для развития Северного Морского пути. Л.Л. Брейтфус полагал, что экспедиционный план поможет обеспечить доступ к огромным богатствам Сибири. В долгосрочные планы “Аэроарктик” входило развитие сети метеостанции на Севере России. Они должны были сыграть важную роль в реализации экономического потенциала Северного Морского пути²⁷. Советское правительство поддержало проект “Аэроарктик” и профинансировало участие в нем Академии наук СССР. Ф. Нансен стремился максимально интегрировать в “Аэроарктик” советских ученых. В письме к наркому по иностранным делам СССР Г.В. Чичерину он писал, что экспедиция “Аэроарктик” “будет иметь большое значение для развития огромного (советского. – К.М.) государства”²⁸. 4 октября 1924 г. норвежский ученый получил ответ. Г.В. Чичерин сообщил ему, что советская сторона видит проект крайне важным для научных исследований в Арктике и развития мировой экономики²⁹.

Второй Конгресс “Аэроарктик”, состоявшийся в Ленинграде в июне 1928 г., показал, что не все вопросы, связанные с экспедицией, были решены. В том числе вопрос о грузоподъемности воздушного судна, а значит и о возможности транспортировки научного оборудования. Неясным оставался и вопрос о безопасности высадки ученых с воздуха на лед. Кроме того, были необходимы точные метеорологические данные для обеспечения безопасности самого дирижабля. Все эти проблемы обсуждались на совещании в Ленинграде³⁰. Доклады были прочитаны немецкими, русскими и датскими членами общества³¹. Ф. Нансен выразил особую заинтересованность в русском метеорологе Павле Александровиче Молчанове (1893–1941) и его лекции “Задачи и методы изучения атмосферы в Арктической области”. П.А. Молчанов представил научному сообществу сообщение о строительстве радиозондов, которые могли быть использованы для метеорологических наблюдений. Конгресс “Аэроарктик” положительно отреагировал на работу П.А. Молчанова и предложил советскому правительству содействовать его участию в подготовке экспедиции. Резолюция по этому вопросу была принята конгрессом единогласно³². На конгрессе были приняты резолюции о возможности работы для создания постоянных, советских метеорологических станции на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа и о том, что станции должны быть открытыми для международных

²⁶ NB, Ms. Fol. 1924:7: II, B-K.; Dagens Nyheter 29.11.1924; New York Evening Post, 13.III.1926; New York Times, 13.III.1926.

²⁷ NB, Ms. Fol. 1924:7:II, Ureg. (1): “Proekta kapitana Brunsa”.

²⁸ Ibid., M.

²⁹ Ibid., B-K.

³⁰ Архив РАН, ф. 47, оп. 1, д. 1171.

³¹ Arktis. Vierteljahrsschrift der Internationalen Studiengesellschaft zur Erforschung der Arktis mit dem Luftschiff, Heft 1/2, 1. Jahrgang, Justus Perthes, Gotha 1928; Heft 3/4, 1. Jahrgang, Justus Perthes, Gotha 1928; Архив РАН, ф. 47, оп. 1, д. 1171.

³² Пасецкий В.М. Фрильоф Нансен. М., 1986, с. 323–325.

исследований во время Второго международного полярного года, запланированного на 1932–1933 г.³³

В предпоследний день работы конгресса Генеральная Ассамблея “Аэроарктик” вместе с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей провели “Арктический вечер”. В качестве почетного гостя на него был приглашен Ф. Нансен. Мероприятие показало популярность Ф. Нансена в Советском Союзе. В заполненном до отказа зале его представили как “всемирно известного старого арктического волка, который отдал всю свою жизнь неизвестному и до сих пор почти недоступному заполярью” и добавили, что “вся Советская Россия знает его дела”³⁴.

Ф. Нансен был доволен результатами конгресса. Он надеялся, что в ближайшем будущем появится возможность создать международный институт по исследованию Заполярья с музеем и архивом, в которых исследователи из разных стран могли бы получить необходимую литературу и материалы. После возвращения в Норвегию Ф. Нансен написал Александру Петровичу Карпинскому (1846–1936), члену “Аэроарктик”, ветерану российской геологии, о том, как он готовился к экспедиции и работал над новыми инструментами, которые, как он надеялся, будут полезными во время полета³⁵.

Однако, как выяснилось позже, “Аэроарктик” не располагал достаточными средствами для завершения строительства и оборудования дирижабля. Чтобы получить финансирование Ф. Нансен отправился в лекционный тур по США. Он рассказывал о перспективах полярных исследований и важности проекта “Аэроарктик”³⁶. По завершении тура ученый поехал в Фридрихсхафен, чтобы увидеть дирижабль. Туда приехал и П.А. Молчанов. Ф. Нансен опасался неизбежного обледенения дирижабля в полярных условиях, о чем весьма осторожно осведомился у П.А. Молчанова. Они также обсудили первые в мире радиозонды для метеорологических наблюдений, которые П.А. Молчанов к тому времени уже почти закончил. В январе 1930 г. он стал готовить серию радиозондов для экспедиции³⁷. Летом 1931 г. “Аэроарктик” провел полет “Графа Цеппелина”, но Ф. Нансена на борту не было³⁸. Ученый умер в мае 1930 г. Он так и не увидел результаты своей многолетней работы.

РУАЛЬ АМУНДСЕН И РУССКИЕ УЧЕНЫЕ-ПОЛЯРНИКИ

В 1903–1906 гг. экспедиция во главе с Р. Амундсеном на корабле “Йоа” прошла весь Северо-Западный морской путь. В бухте Йоа-Хейвен на острове Кинг-Уильям команда корабля построила обсерваторию для магнетических исследований и метеорологическую станцию. Главной задачей экспедиции было изучение северного магнитного полюса Земли. Работа была проведена успешно. Впервые ученым удалось подтвердить, что северный магнитный полюс меняет свое положение³⁹. Контакты Р. Амундсена с русскими исследователями начались после экспедиции 1903–1906 гг.

Магнитные наблюдения очень интересовали русских исследователей. В 1907 г. в “Метеорологическом бюллетене”, журнале Главной геофизической обсерватории Санкт-Петербурга, отметили: “Весь добытый экспедицией богатый материал... благополучно доставлен в Кристианию... Наблюдения произведены весьма тщательно, и записи магнитографов проявлены и вполне удовлетворительны”⁴⁰. Полностью материалы экспедиции было опубликовано лишь через 20 лет после окончания путешествия. Но

³³ Архив РАН, ф. 47, оп. 1, д. 1171, л. 2об.

³⁴ Там же, л. 49.

³⁵ Пасецкий В.М. Указ. соч., с. 325.

³⁶ NB, Ms. Fol. 1924:7: VIII, Jan. 1929.

³⁷ Пасецкий В.М. Указ. соч., с. 326.

³⁸ Ellsworth L., Smith E.H. Report of the Preliminary Results of the Aeroarctic Expedition with “Graf Zeppelin”. – Geographical Review, 1931, v. 22, № 1, p. 61–82.

³⁹ Næss A. De tre store. – Norsk polarhistorie. Bind I. Gyldendal Norsk Forlag, 2004, p. 127–136; Пасецкий В.М., Блинов С.А. Руаль Амундсен 1872–1928. М., 1997, с. 29 – 63.

⁴⁰ Пасецкий В.М., Блинов С.А. Указ. соч., с. 62.

уже в начале XX в. Р. Амундсен рассказывал о ней и ее результатах в письмах русским исследователям. Об экспедиции на корабле “Йоа” сообщил в Россию и Аксель С. Стен (1849–1915), заместитель директора Норвежского метеорологического института. Магнитные и метеорологические данные экспедиции Р. Амундсена были позднее использованы русскими учеными-полярниками Павлом Владимировичем Виттенбургом (1884–1968) и Владимиром Юльевичем Визе (1886 – 1954).

После экспедиции на корабле “Йоа” Р. Амундсен был избран почетным членом РГО. В петербургском “Новом времени” отметили, что это была большая честь для Р. Амундсена: не многие ученые получили столь почётное звание в 40 лет⁴¹. В мае 1907 г. РГО предложило Р. Амундсену прочитать лекцию об экспедиции “Йоа”. Было объявлено, что норвежский полярник прочтет лекцию на французском языке и покажет экспедиционные слайды. На лекции Р. Амундсена присутствовали не только ученые, но и высокопоставленные чиновники Норвегии в России, в том числе и посол Норвегии Н. Пребенсен с женой.⁴² После лекции в посольстве Норвегии в Санкт-Петербурге состоялся ужин в честь Р. Амундсена⁴³.

НА ПРИЕМЕ У РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

Пребывание Р. Амундсена в столице России продолжалось неделю. За это время он посетил ряд научных институтов, в том числе Главную геофизическую обсерваторию. Ученый надеялся, что ему удастся получить аудиенцию у императора Николая II. 3 мая 1907 г. Л. Амундсен от имени брата поинтересовался у посла Норвегии в России о возможности аудиенции⁴⁴. Н. Пребенсен сделал по этому поводу запрос в Министерство иностранных дел России. Через неделю пришел ответ: император был бы рад встрече. Ради аудиенции у императора Р. Амундсен решил остаться в Петербурге еще на несколько дней.

В письме в Министерство иностранных дел в Осло Н. Пребенсен сообщал: “Амундсен сегодня посетил Царское Село и Императора, который развлекал себя с ним полчаса”⁴⁵. Прежде чем передать просьбу Р. Амундсена об аудиенции у Николая II, посол направил несколько писем в дипломатические миссии Норвегии в Лондоне и Берлине с вопросом: был ли Р. Амундсен на приеме у высших лиц государства. Ему ответил Ф. Нансена, который в то время находился при миссии в Лондоне. Он написал, что английский король встретился бы с Р. Амундсеном, если бы знал, что тот был в Лондоне⁴⁶.

В январе 1908 г. Л. Амундсен через посольство Норвегии в Санкт-Петербурге отправил письмо Николаю II с просьбой принять копию книги брата о его экспедиции. Император с благодарностью принял книгу⁴⁷. Для Николая II был сделан специальный экземпляр книги об экспедиции в кожаном переплете и шелком на внутренней стороне.

В архиве РГО сохранились документы о подготовке издания книги Р. Амундсена на русском языке. Л. Амундсен помог РГО найти издателя для книги брата. Русский перевод был готов поздней осенью 1908 г. История Р. Амундсена и его экспедиции стали доступными для русского читателя, вскоре после того как Николай II получил ее копию на английском языке⁴⁸.

⁴¹ Det norske Riksarkivet (далее – RA): RA/S-3761/D/Db/L0012: Div IV: 1911–1914; Новое время, 28.II.1912.

⁴² Подробнее о Н. Пребенсене и посольстве Норвегии в Санкт-Петербурге в 1906–1920 гг. см.: Caution & Compliance. Norwegian-Russian Diplomatic Relations 1814–2014, p. 71–86.

⁴³ RA/S-3761/D/Da/L0003/0002: Div. II 1908-1909, Mappe Div. Roald Amundsen 1907–1908: Diverse brev og notater mai 1907.

⁴⁴ RA/S-3761/D/Da/L0003/0002: Div. II 1908-1909, Mappe Div. Roald Amundsen 1907–1908.

⁴⁵ RA/S-3761/D/Da/L0003/0002: Div. II 1908-1909, Mappe Div. Roald Amundsen 1907–1908.

⁴⁶ Ibidem. – Шифрованные телеграммы Пребенсена к Нансену 10 мая 1907 г. и Нансена к Пребенсену, 10 мая 1907 г.

⁴⁷ Ibid., Diverse brev januar-juli 1908.

⁴⁸ АРГО, ф. 44, оп. 2, № 558.

РУАЛЬ АМУНДСЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА НОРВЕЖСКИХ ПОЛЯРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

После экспедиции на корабле “Йоа” Р. Амундсен стал известен по всему миру. Исходя из имеющихся документов, нельзя сказать, что ученый сильно заботился о связях с русскими коллегами. Сохранилось лишь небольшое количество писем, которые Р. Амундсен написал в Россию после 1908 г. Из них мы знаем, что он пригласил двух русских ученых в свои экспедиции. Александр Степанович Кучин (1888–1912) участвовал в экспедиции Р. Амундсена на Южный полюс в 1910–1912 гг. Во время путешествия он занимался проведением океанографических исследований в Южной Атлантике⁴⁹. А радиотелеграфист Геннадий Никитич Олонкин (1898–1960) принимал участие в в метеорологических исследованиях во время экспедиции Р. Амундсена на судне “Мод” в 1918–1925 гг. Г.Н. Олонкин был еще и переводчиком в то время, когда экспедиция проходила вдоль побережья Сибири⁵⁰. А.С. Кучин и Г.Н. Олонкин знали норвежский язык. Для Р. Амундсена это, без сомнения, имело важное значение.

Р. Амундсен познакомился с А.С. Кучиным в Норвегии еще в те годы, когда тот учился у океанографа Бьорна Хелланд-Хансена (1877–1957). Именно Б. Хелланд-Хансен и Ф. Нансен рекомендовали А.С. Кучина в качестве океанографа для экспедиции на корабле “Мод”. Океанографические работы А.С. Кучина были признаны значимыми. Вместе с покорением Южного полюса именно эти работы стали основой для получения Р. Амундсеном Константиновской медали РГО в 1913 г.⁵¹ После экспедиции на Южный полюс император Николай II получил в дар книгу Р. Амундсена о новом путешествии⁵².

Экспедиция на Южный полюс и почетная награда РГО привлекли к Р. Амундсену внимание российской прессы. Газеты представляли его очень сильным, волевым и энергичным человеком. Журналисты писали, что ученый уже начал планировать новую экспедицию для покорения Северного полюса на судне “Мод”⁵³.

В архивах норвежского посольства в Санкт-Петербурге сохранилось несколько писем Л. Амундсена, написанные от имени брата летом 1913 г. В них Л. Амундсен просит письменное разрешение от российского правительства на то, чтобы во время экспедиции Р. Амундсен и его компаньоны могли приземлиться в любом месте побережья Сибири и им была бы обеспечена любая “помощь, которая может быть необходимой”⁵⁴. Разрешение пришло довольно быстро. Но экспедиция была отложена из-за начала Первой мировой войны.

В научной литературе бытует мнение, что главным достижением экспедиции “Мод” были океанографические и этнографические данные, собранные океанографом Харальдом Ульриком Свердрупом (1888–1957). Существует мало свидетельств того, что сам Р. Амундсен имел прямые контакты с русскими исследователями во время экспедиции. Но известно, что Х.У. Свердруп переписывался с президентом РГО и информировал его о научных результатах экспедиции⁵⁵.

Таким образом, мы видим, что экспедиции Р. Амундсена, в отличие от экспедиций Ф. Нансена, не были ориентированы на международную кооперацию ученых. Ф. Нансен принадлежал к геофизической школе норвежских полярных исследований,

⁴⁹ Barr W. Aleksandr Stepanovich Kuchin: The Russian Who went South with Amundsen. – Polar Record, 1985, № 22 (139), p. 401–412.

⁵⁰ Næss A. Op. cit., p. 165–171.

⁵¹ Пасецкий В.М., Блинов С.А. Указ. соч., с. 62; Российско-норвежское сотрудничество, с. 56.

⁵² RA/S-3761/D/Db/L0012: Div: Roald Amundsens polarexpedition og foredrag i Russland. 1912: Brev fra den russiske utenriksminister Sazonov til sendemann Prebensen, 6./19. des. 1912.

⁵³ Den norske legasjonen i St. Petersburg: RA/S-3761/D/Db/L0012: Div IV: 1911–1914, Новое время, 28.II.1912.

⁵⁴ RA/S-3761/D/Db/L0012: Div: Roald Amundsens polarexpedition og foredrag i Russland. 1912: Brev fra den norske utenriksminister Ihlen til sendemann Prebensen, 20. juni 1913.

⁵⁵ Российско-норвежское сотрудничество..., с. 57.

а Р. Амундсен – к географической школе, для которой национальный престиж и конкуренция между государствами были характерны. Вероятно, именно поэтому Р. Амундсен так мало уделял внимания налаживанию прямых контактов с российскими исследователями, в то время как у Ф. Нансен была широкая сеть научных контактов в России и Советском Союзе.

Ориентация на национальные интересы Норвегии, вероятно, стала главной причиной, отказа Р. Амундсена от участия в международной экспедиции “Аэроарки”. В 1926 г. он решил провести собственную экспедицию в Арктику на дирижабле⁵⁶.

Осенью 1925 г. Р. Амундсен посетил Ленинград вместе с итальянским инженером Умберто Нобиле (1885–1978). Они договорились с советскими властями об остановке дирижабля “Норвегия” под Ленинградом по пути из Италии на Шпицберген. Через несколько месяцев дирижабль оказался недалеко от Ленинграда. Визит экспедиции длился чуть больше недели. Экипаж дирижабля был приглашен в Академию наук, где прошло открытое заседание. Географический факультет Государственного университета устроил ужин в их честь⁵⁷. Сам Р. Амундсен не участвовал в этих мероприятиях. Он решил присоединиться к экспедиции спустя несколько дней на Шпицбергене.

Советская пресса восхищалась Р. Амундсеном. Радужный прием ему был оказан в Академии наук. Речь, произнесенная в честь Р. Амундсена в Академии, акцентировала внимание собравшихся на огромном риске, с которым сопряжена экспедиция дирижабля “Норвегия” в Арктике. Было отмечено, что перелет дирижабля из Рима в Ленинград – это уже само по себе достижение⁵⁸. Восхищение Р. Амундсеном стало еще больше, после успешного окончания его экспедиции. Ученый заработал себе небывалый авторитет в России, но его слава была основана на его достижениях в качестве полярного исследователя, а не на личных отношениях и сотрудничестве с русскими учеными-полярниками.

ФРИТЬОФ НАНСЕН – НАУЧНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

В отличие от Р. Амундсена, Ф. Нансен в своих научных связях с Россией мало зависел от идей национального престижа. Он прекрасно осознавал ресурсы, которые были в распоряжении его коллег по исследованию полярных регионов России. Он поддерживал связи со многими российскими, а потом и советскими учеными. Для него общение с российскими коллегами было еще одним источником получения знаний по интересовавшим его темам: соотношение океанских течений и метеорологических процессов в заполярье, соотношение климата и культуры жителей полярных районов. Общие научные темы легли в основу не только профессиональных, но и личных отношений с российскими коллегами до Первой мировой войны и революций в России. Даже после установления советской власти Ф. Нансен старался не терять контактов и пытаться развивать сотрудничество в научной области с новой властью в России.

Данные о работе Ф. Нансена позволяют представить его в качестве научного интернационалиста. Международное научное сотрудничество было для ученого намного более важным, нежели просто кооперация в исследовании Севера. Международные научные контакты воспринимались им как связующее звено, мост, который соединял мировые державы в политически трудное время. В нашей работе мы представили Ф. Нансена именно в таком свете, вопреки многолетним попыткам норвежских исследователей представить его только как национального героя Норвегии.

---

⁵⁶ Berg, R. Amundsen og hans aeronauter. – Norsk polarhistorie, b. I. Gyldendal Norsk Forlag, 2004, p. 227–291; NB, Ms. Fol. 1924:7:IV, Nansen til Amundsen 18.09.1926. – http://urn.nb.no/URN:NBN:no-nb_digimanus_106666; http://urn.nb.no/URN:NBN:no-nb_digimanus_172043, http://urn.nb.no/URN:NBN:no-nb_digimanus_106667.

⁵⁷ G. Amundsen Roald Amundsens opdagelsesreiser. Fjerde bind. Nordpolen. Oslo, 1942, p. 143–149.

⁵⁸ Архив РАН, ф. 265, оп. 7, д. 60, л. 1.